

по эту сторону наследия Грибоедова. Каков достигнутый им результат? В «Горе от ума» зафиксирован определенный этап развития не только русского, но и общечеловеческого сознания, и это обстоятельство накладывает на нас обязанность изучать данную пьесу с таким вниманием, с каким, например, немцы изучают «Фауста»¹⁶. Этот несколько неожиданный вывод, в справедливости которого заставляет убедиться автор, — результат особого прочтения пьесы (который, кстати, стал возможным только в XX в.). ДANELIA отвлекается от бытовой стороны произведения, от грибоедовских характеров, от тех типических обстоятельств, в которых они действуют. Его интересует исключительно анализ сознания — героев пьесы и ее автора.

Первоначально пьеса называлась «Горе уму». В этом, однако, таилась определенная однозначность: речь шла только о беде носителя ума, субъекта. «Горе от ума» — название более емкое, полнее выражающее суть дела. Ибо в драме «изображается горе не только коллега ума, но и его объекта, не только активного носителя ума, т. е. интеллигента, но и того, кто является пассивным предметом, на который деятельность ума направлена. Правда, горе последнего менее остро, но все же оно действительное горе. Ум неизбежно причиняет горе как своему субъекту, так и объекту — такова мысль заглавия пьесы Грибоедова»¹⁷. Речь, следовательно, должна идти о том, какого рода ум имел в виду Грибоедов.

Прежде всего ум Фамусова и его окружения. Наивно думать, что это просто глупцы: это мракобесы. Но мракобесие — такое же порождение ума, как и наука. Мракобесие присуще лишь образованному классу. Невежественный крестьянин не мог бы самостоятельно дойти до мысли, что для исцеления общества нужно сжечь все книги. Поэтому совершают ошибку, называя противников Чацкого невежественными, необразованными людьми. На самом деле они вовсе не невежественны, хотя и не столь образованны, как Чацкий. И разве от недостатка образования, от отсутствия знания проистекает вражда фамусовых к новым людям, которые, оставив службу, удаляются в деревню «книжки читать»? Конечно, нет: не от отсутствия знания, а от весьма просвещенного насчет своих интересов эгоизма происходит эта вражда, так как фамусовы хорошо знают, что новые веяния гаят в себе угрозу их существованию.

Но вот Чацкий — антипод Фамусова, его критик, обличитель. «Остер, умен, красноречив», — говорит о нем Софья. Если бы, пишет ДANELIA, Софья Павловна изучала Аристотеля, она, возможно, сказала бы, что у него «кажущаяся мудрость, а не действительная». Умный Чацкий не знает людей, проницательности его ума не хватает на то, чтобы проникнуть в не очень уж глубокую натуру Софьи. Он далеко еще не охватил умом всей глубины реальности — как чужой, так и своей собственной — и не выработал связанной программы поведения: не по принципам программы действует он, а под влиянием непосредственных импульсов. Отсюда — внутренняя несвязность и противоречивость поведения Чацкого. Резкостью, крутостью и прямолинейностью своего ума Чацкий скорее отпугивает окружающих, чем вовлекает их в сферу своего влияния. Это строптивый, доктринерский ум. В нем нет ущербности, но ему не дано победить. Подобно Рудину Тургенева, и Чацкий мог бы сказать про себя: «Строить я никогда ничего не умел». Приписывая Чацкому ум и даже подчеркивая это качество, пьеса Грибоедова выдает свое представление об уме как о способности критики, анализа данной действительности, отрицания ее цели и единства, т. е. такой способности, которая не доросла еще до развитой способности синтеза, положительного построения нового единства и цельности. Гегель именовал такой ум «метафизическим», противопоставляя его уму диалектическому, а Чернышевский вслед за своим учителем

¹⁶ ДANELIA С. О философии Грибоедова. Тифлис, 1934, с. 125.

¹⁷ ДANELIA С. Указ. соч., с. 15.